

В просторной школьной дежурке на кожаном диване сидели двое парней в форме. Между ними повисло давящее молчание. Мао Сяочуань прижимал к груди куртку Юань Синя. В тишине комнаты отчетливо слышалось лишь прерывистое дыхание Юань Синя.

— Юань Синь, ты есть не хочешь? — Сяочуань наконец не выдержал и заерзал на месте, с тревогой заглядывая другу в лицо.

— Не хочу. А ты? — глухо отозвался тот.

— Я тоже... — Сяочуань прикусил губу, пытаясь нащупать нить разговора. — Сильно болит? Мне показалось, они тебя зацепили.

— Пустяки, — Юань Синь скользнул по нему быстрым взглядом и снова уставился в стену.

— Но ведь... — Сяочуань нахмурился, так и не решившись договорить.

«Если все нормально, чего ты молчишь как сыч?» — подумал он. С тех самых пор, как охранники разогнали шпану и во всем разобрались, Юань Синь не проронил ни слова.

Словно почувствовав смятение в его душе, Юань Синь тяжело вздохнул и примиряюще похлопал его по плечу:

— Правда, все в порядке.

— Да тебя же ударили! — настойчиво возразил Сяочуань.

Юань Синь поморщился, будто только сейчас осознал, что у него есть тело. Стоило ему шевельнуть правым плечом, как он заметно побледнел.

— А ну покажи! — Сяочуань так и подскочил. Он мигом оказался рядом и осторожно коснулся его плеча.

Юань Синь мгновенно напрягся, побелев как полотно.

— Не двигайся, тихо, я сам... — Сяочуань сделался непривычно кротким и заботливым.

Опустившись перед другом на колени, он принялся медленно, сверху вниз, расстегивать пуговицы на его белой рубашке. Каждое движение было предельно бережным. Справившись с пуговицами, он одной рукой придержал Юань Синя за здоровое плечо, а другой мягко потянул ворот рубашки в сторону. И все же Юань Синь содрогнулся от боли. По его виску покатилась крупная капля пота, сорвалась с подбородка и мгновенно расплылась мокрым пятном на белой

ткани.

Зрелище было пугающим: от самого плеча до лопатки расплылся огромный иссиня-черный кровоподтек. Воспаленная кожа выглядела так жутко, что у Сяочуаня защемило в груди. Он испуганно отдернул похолодевшие пальцы.

— Сильно... сильно больно? — пробормотал он.

Сяочуань никогда не считал себя спасителем душ. Но чужие физические страдания переносил с трудом. В детстве, когда на экране пороли очередную главную героиню и у той шла кровь из разбитой губы, он сам чувствовал эту фантомную боль и ревел навзрыд вместе с ней.

— Не болит, — преодолевая ломоту в плече, соврал Юань Синь.

Глядя на побледневшего от страха Сяочуаня, он попытался поднять левую руку, чтобы успокаивающе потрепать его по кудрям. Но тот лишь крепко перехватил его здоровую руку. Сяочуань подозрительно прослезился.

— Терпи. Сейчас же идем в медпункт!

К часу дня солнце начало клониться к западу. Его лучи, пробиваясь сквозь густую листву вековых деревьев, косыми золотистыми полосами падали на пол просторной, чистой палаты на третьем этаже школьной больницы.

В палате стояли три койки, но две из них пустовали. На третьей, у самого окна, лежал высокий, поджарый парень. С закрытыми глазами он больше не казался угрюмым и колючим; легкий беспорядок в волосах и благородные черты лица странным образом преображали унылую больничную обстановку, сообщая ей налет умиротворения. Он неподвижно лежал под белоснежным одеялом, выставив наружу аккуратно перебинтованное плечо.

Сон его, впрочем, был зыбким и тревожным. Юань Синь то проваливался в забытие, то снова приходил в себя. Удушливый запах обезболивающей мази заполнил всю палату, напрочь перебивая тот едва уловимый аромат, который он так жаждал почувствовать. Плечо почти не ныло, но уснуть не получалось — внутри нарастало липкое раздражение.

Юань Синь досадливо приоткрыл глаза и покосился на дверь.

«Куда он провалился? Сколько можно ходить?»

Дверь тихонько скрипнула. Из щели сначала показалась забавная вихрастая макушка.

Услышав знакомые торопливые шаги, Юань Синь сам не понял почему, но упрямо зажмурился, решив притвориться спящим.

Мао Сяочуань на цыпочках подошел к кровати, бережно прижимая к себе объемистый термос для еды. Он специально бегал в школьную столовую в надежде перехватить хоть что-то, и ему крупно повезло — повар Ван еще не ушел. Выпросив у этого добряка свежеприготовленный обед, Сяочуань даже толком не успел поблагодарить его — припустил обратно со всех ног. По дороге его терзали глупые мысли: вдруг Юань Синь уже проснулся от боли? Вдруг ему нужна помощь, а рядом никого?

Убедившись, что раненый безмятежно спит, Сяочуань облегченно выдохнул. Он бесшумно поставил термос на тумбочку и приоткрыл крышку. По палате мгновенно разлился одуряюще аппетитный аромат домашней еды.

Этот запах тут же разбудил дремавшие рецепторы Юань Синя. Благодаря мази плечо почти утихло, но навалилась страшная слабость, а пустой желудок настойчиво требовал своего. Юань Синь не выдержал и открыл глаза.

В ту же секунду его мысли словно закоротило.

Прямо перед ним сияли два черных, блестящих глаза. Пушистые ресницы Сяочуаня находились так близко, что едва не касались его лица. Стоило Юань Синю очнуться, как он радостно прищурился и широко, обезоруживающе улыбнулся.

Юань Синь замер, не смея моргнуть. Неужели он все еще спит?

Сяочуань навис над ним, упершись ладонями в матрас по обе стороны от его головы. Он всего лишь хотел проверить, насколько крепко спит друг, и разбудить его как можно мягче, без резких движений. Юань Синь перенес такую взбучку, да еще и лекарств наглотался, так что тревожить его резким окриком не хотелось. По личному опыту Сяочуань знал: если будить человека дедовскими методами — вроде отцовского зычного рева или пинка, — то ничего, кроме злости, не добьешься. Он как раз собирался прошептать Юань Синю что-то на ухо, но тот открыл глаза сам. Вышло как нельзя лучше.

— Проснулся? — шепотом спросил Сяочуань. — Пора обедать.

Юань Синь сглотнул. Он едва заметно покраснел.

— Хорошо...

Обрадованный Сяочуань отстранился, аккуратно приподнял изголовье кровати и подложил Юань Синю под спину подушку, помогая устроиться поудобнее.

— А у тебя ловко получается, — как бы между прочим заметил Юань Синь, устроившись полусидя.

— Еще бы. Я за бабушкой ухаживал, — Сяочуань зачерпнул ложкой наваристый костный бульон, бережно подул на него и поднес к губам друга.

— А что с ней было? — Юань Синь послушно принял ложку. Бульон оказался на редкость вкусным.

— Болела сильно... — Сяочуань явно не горел желанием развивать эту тему. Он быстро свернул разговор и зачерпнул еще: — На, попробуй вот этот кусочек восковой тыквы.

Поняв намек, Юань Синь не стал лезть в душу. Он молча принимал еду, понимая, что этот обед для него теперь значит куда больше обычного.

— Сам-то поел? Садись со мной.

— Сначала ты, — упрямо отрезал Сяочуань.

Термос, который одолжил повар Ван, был огромным — еды там хватило бы на троих. Дождавшись, пока Юань Синь сытно поест, Сяочуань помог ему лечь обратно, опустил изголовье и только тогда принялся за свою порцию.

Быстро покончив с едой, он вышел в коридор, ополоснул посуду в умывальнике и замер перед зеркалом.

Из заляпанного стекла на него смотрел одинокий подросток. Больше некому было ласково потрепать его по кудрявой голове морщинистой ладонью. Некому было дребезжащим голосом наставлять его, чтобы учился прилежно да рос хорошим человеком.

Перед глазами снова встало лицо покойной бабушки с застывшими в мутных глазах слезами. Сяочуань когда-то клялся себе, что завяжет с драками, начнет все с чистого листа... Но стоило ей уйти, как он снова взялся за старое. Опять подвел ее.

Он шмыгнул носом, утер мокрой ладонью влажные ресницы, подхватил термос и вернулся в палату.

Юань Синь лежал неподвижно, не разобрать — спал или просто думал о своем. На настенных часах было полвторого. До начала уроков оставалось тридцать минут.

— Юань Синь, ты спишь? — тихонько позвал Сяочуань, склонившись над ним.

— Нет, — отозвался тот, не открывая глаз. — Плечо разнылось.

— Позвать врача? — встревожился Сяочуань, бросив взгляд на белую повязку.

— Не надо. Просто посиди со мной, поговори, — Юань Синь распахнул свои глубокие темные глаза и уставился на него в упор. Он тихо произнес:

— Ладно, — согласился Сяочуань и примостился на краю матраса. — О чем говорить-то?

Юань Синь легонько похлопал здоровой рукой по свободному краю простыни:

— Ложись рядом. Ты слишком высоко сидишь, мне шею больно задирать.

— Ну давай... — Сяочуань не стал спорить. Он прилег на бок, подогнув колени и подперев голову ладонью. — Так о чем рассказать?

— О чем угодно, — Юань Синь повернулся к нему здоровым боком. Его взгляд, обычно отстраненный, сейчас казался удивительно мягким.

— Ладно, дай подумать... — Сяочуань нахмурил лоб, а потом вдруг вспомнил главное: — Слушай, а те типы на улице... Они вообще кто? Ты их знаешь?

— Первый раз вижу, — покачал головой Юань Синь.

Он прищурился, восстанавливая в памяти лица нападавших. Чужаки, но он запомнил каждого до мельчайших черточек. И был уверен — раньше их пути никогда не пересекались.

— Тогда зачем они полезли к тебе? — Сяочуань совсем запутался.

В его понимании примерные отличники жили в каком-то своем, стерильном мире, бесконечно далеком от подворотен и уличных банд. Он и подумать не мог, что Юань Синь умеет драться, да еще так, что раскидал целую толпу профессиональных хулиганов. И уж тем более не укладывалось в голове, как этот идеальный ученик мог перейти дорогу местным бандитам.

В памяти внезапно всплыли тихие, загадочные слова старосты Ли Сяовэя: «Юань Синь... слишком сложный человек». И Сяочуань мысленно согласился: да уж, этот парень явно непрост.

— Черт их знает, — Юань Синь пожал плечами с таким равнодушием, будто речь шла о погоде, а не о покушении на его здоровье.

— Но ведь один из них удрал! Ты что, совсем не боишься? — Сяочуань даже приподнялся от возмущения.

Его поражало это олимпийское спокойствие. Сдал побитых гопников школьной охране и спит себе спокойно! О чем он думает? А если они вернутся мстить? Сам Сяочуань после такого точно страдал бы бессонницей и вздрагивал от каждого шороха.

— Не боюсь, — Юань Синь снисходительно улыбнулся. Превозмогая боль, он придвинулся чуть ближе и свободной рукой натянул край одеяла на плечи Сяочуаня. — Поспи лучше. Тебе скоро на уроки.

— А? Точно... — Сяочуань бросил взгляд на часы. Без двадцати пяти два.

— Закрывай глаза. Я разбужу, когда нужно будет идти, — мягко добавил Юань Синь.

— Ладно... — Сяочуань еще секунду разглядывал его красивое, спокойное лицо, а потом послушно закрыл глаза и мгновенно провалился в сон.

Солнечные лучи ласково грели постель, заливая палату мягким золотом. На душе у Юань Синя тоже впервые за много лет стало тепло. Будто его сердце, покрытое ледяным панцирем, отогрели ласковые ладони. Они не обжигали жаром, но дарили то самое живительное тепло, которого ему так не хватало.

На стене монотонно отсчитывали секунды часы. Юность всегда полна глупых ошибок, болезненных падений и горьких обид, но время неумолимо движется вперед. И в этом вихре жизни его израненное плечо отныне готово было стать опорой лишь для одного-единственного человека.

<http://bllate.org/book/18295/1766145>